

Третьи сутки Бо Янь две трети времени проводил во сне.

Оставшуюся треть он был неразлучен с Си Чао, проявляя к нему пугающую привязанность. Казалось, у него совсем отнялись ноги: даже путь из спальни в гостиную требовал обязательных объятий. Мало того, он часто подолгу завороченно смотрел на профиль Си Чао, краснел, а затем бросался к нему, обвивая шею и требуя поцелуев.

Си Чао едва сдерживался, его глаза наливались кровью. Поглаживая Бо Яня по щеке, он хриплым голосом уговаривал:

— Янь-янь, давай дождемся того дня, когда ты полюбишь меня по-настоящему, и тогда я тебя поцелую, хорошо?

— Не хочу! Хочу сейчас! — Бо Янь выглядел донельзя раздосадованным.

Си Чао, вздохнув, прикладывал ладонь ко лбу, а затем, не выдержав, лишь на мгновение касался его губ, тут же отстраняясь — он боялся, что если задержится хоть на секунду, то уже не сможет остановиться. Верхняя губа Бо Яня, слегка припухшая и розовая, выглядела до невозможности соблазнительно. Взгляд Си Чао темнел; он проводил пальцем по нижней губе парня, еще раз быстро клюнул его в губы и поспешно ретировался, стараясь держаться подальше от этого маленького искуителя.

На ужин Бо Янь потребовал свою любимую пиццу с дурианом. Он не только ел сам, но и настойчиво пытался накормить Си Чао. Тот, не привыкший к специфическому запаху, уворачивался:

— Янь-янь, я не могу это есть, съешь сам, ладно?

Бо Янь моментально вспыхнул. Тихо фыркнув, он бросил кусок обратно в коробку и отвернулся, отказываясь смотреть на Си Чао. Обиделся. Омега в период течки требует, чтобы альфа во всем ему потакал, иначе в голове начинают роиться дурные мысли, а на смену им приходит гнев.

Си Чао смотрел на его затылок, где черные волосы, казалось, безмолвно обвиняли его во всех грехах, и невольно усмехнулся. Услышав смешок, Бо Янь разозлился еще сильнее, добавив к гневу глубокую обиду. Это же его любимая еда, он был готов поделиться, а этот человек даже не хочет попробовать!

Си Чао развернул его к себе, заглянул в полные слез обиды глаза и принялся ласково утешать:

— Ну все, все, не злись. Я съем, хорошо? Покормишь меня еще разок?

Только услышав это, Бо Янь соизволил поднять взгляд. Посмотрев на Си Чао, он тут же взял кусок пиццы и поднес к его губам:

— Ешь, это вкусно!

Резкий запах дуриана ударил Си Чао в нос. Он на секунду замялся, но все же откусил большой кусок, символически прожевал пару раз и проглотил.

— Спасибо, Янь-янь! Вкус... вкус просто... — Си Чао выдавил из себя, — замечательный!

Бо Янь тут же просиял и принялся кормить его дальше. Так, под давлением, Си Чао пришлось съесть больше половины пиццы. Он подумал, что в этой жизни больше никогда не захочет видеть дуриан.

Уложив Бо Яня спать после всех вечерних процедур, Си Чао выпустил свои успокаивающие феромоны. В этой атмосфере, пропитанной теплым солнечным светом, Бо Янь, сжимая руку Си Чао, наконец уснул. Тот долго смотрел на его спокойное лицо, скользя взглядом по лбу, глазам, носу и задерживаясь на губах.

Время медленно утекало. Си Чао вдруг почувствовал острую тоску. Вспомнишь ли ты хоть что-то, когда проснешься? Он горько усмехнулся и потянулся, чтобы поцеловать его в веки. Я готов ждать того дня, когда ты меня полюбишь.

Проснувшись, Бо Янь почувствовал тяжесть в голове. События последних трех дней бесконечной чередой мелькали перед глазами. В воздухе до сих пор витал запах феромонов того мужчины. Бо Янь вцепился в свои волосы, готовый дать себе пощечину. Что я творил эти три дня? Неужели я... с мужчиной...

Это невозможно осознать, невозможно принять! Гнев ударил Бо Яню в голову, и он со всей силы ударил кулаком по кровати. Мужчины в комнате не было. Бо Янь сорвал одеяло, с грохотом распахнул дверь спальни. В гостиной тоже пусто. Убежал?

Черт!

Бо Янь ударил ладонью по столу, отчего лежавший на нем сценарий упал на пол. Заметив в мусорном ведре коробки из-под еды, он с размаху пнул их ногой, выплескивая гнев на себя и на этого человека. Бо Янь стоял посреди гостиной, сжимая губы так, что зубы скрипели.

В этот момент зазвонил телефон. Бо Янь бросил холодный взгляд на экран — звонила его младшая сестра Бо Синь. Она была его сестрой по матери, на семь лет младше, училась в выпускном классе. Бо Янь глубоко вздохнул, стараясь унять бурю внутри, и ответил:

— Бо Синь, что случилось? — его голос звучал сдержанно и холодно.

— Брат, — голос сестры дрожал от слез, — я только сегодня на каникулах получила телефон. Почему ты потерял сознание? Может, ты слишком устал? Брат, давай бросим эту актерскую карьеру! Пожалуйста, брат, твое здоровье...

Бо Синь хотела продолжить, но Бо Янь холодно прервал ее:

— Со мной все в порядке, пара дней отдыха — и буду как новенький. Просто учись, не лезь не в свое дело.

— Брат! — слышались всхлипывания. Бо Янь нетерпеливо цыкнул. — Брат, ты за эти годы заработал немало денег. Мне не нужно, чтобы ты тратил их на такую дорогую школу, я просто хочу, чтобы ты был здоров. Давай найдем какое-нибудь место, откроем маленький магазинчик. Я ни разу не видела, чтобы ты искренне улыбался, работая в этой индустрии.

Бо Янь криво усмехнулся:

— А ты видела, чтобы я улыбался раньше?

Бо Синь замолчала. Бо Янь вернулся в спальню, вытащил из ящика сигарету и закурил у окна:

— Все, хватит. Учись. Денег хватает?

— Хватает! Я даже потратить не успеваю, — тихо ответила сестра.

— А Бо Фан? Она связывалась с тобой в последнее время?

Сестра снова промолчала.

— Что она сказала? — прямо спросил Бо Янь.

— Она... она сказала, что ее парень попал в больницу, денег не хватает, просила меня перевести ей немного.

— Ее любовник в больнице, а она просит денег у дочери-старшеклассницы? На такое только она способна!

Бо Янь стряхнул пепел и горько усмехнулся:

— Береги свои деньги. Если она снова будет просить — пусть обращается ко мне!

Он повесил трубку. Глядя на оживленные улицы за окном, он затянулся сигаретой. Его глаза, которые обычно сияли, сейчас были пустыми и безжизненными. В клубах дыма Бо Янь вдруг осознал, что никогда не понимал этот нелепый мир. Его родной сын падает в обморок, а родная мать сидит у постели чужого человека.

Ха! Я должен был все понять давным-давно. Она всегда была такой, разве нет? Ради своей выдуманной любви она готова отказаться и от сына, и от дочери. Стоит мужчине поманить ее пальцем, как она, словно собака, виляя хвостом, побежит за ним.

Неужели не противно? — спросил себя Бо Янь с усмешкой. Сын такой женщины тоже, должно быть, ничтожество! Звонить среди ночи незнакомому мужчине, просить его обнять, просить поцеловать. Ха!

Бо Янь снова глубоко затянулся и, запрокинув голову, безразлично выпустил кольцо дыма. На его лице застыла горькая ирония. Пепел упал ему на пальцы, и он вздрогнул. Бо Янь очнулся, бросил окурочек в урну и, глядя на мусор так, будто видел в нем себя, прошептал:

— Ничтожество.

В этот момент дверь номера распахнулась. Бо Янь бросил ледяной взгляд на вошедшего. Мужчина в футболке и джинсах держал в руках пакет с завтраком. Увидев холодный взгляд Бо Яня, он на секунду замер, но тут же взял себя в руки. Разуваясь, он непринужденно спросил:

— Голодный? Купил тебе те булочки с заварным кремом, о которых ты бредил вчера перед сном.

Глядя на его невозмутимый вид, Бо Янь почувствовал, как внутри снова закипает ярость. Он смерил мужчину презрительным взглядом и холодно спросил:

— Что вы, черт возьми, сделали со мной в той машине?

Си Чао помыл руки, расставил булочки на столе и, проигнорировав вопрос, сказал:

— Сначала позавтракай! Поговорим после, хорошо?

Услышав это сюсюкающее хорошо, Бо Янь насмешливо фыркнул:

— Красавчик, ты еще не вышел из роли?

Си Чао опустил глаза, скрывая горечь и тоску.

— Меня зовут Си Чао, — сказал он, а затем упрямо повторил: — Зови меня Си Чао.

Бо Янь окинул его насмешливым взглядом с ног до головы:

— Я тебе нравлюсь?

Си Чао не ответил, лишь снова повторил:

— Сначала поешь, хорошо?

Черт! Опять переводит тему! Ярость Бо Яня вспыхнула с новой силой. Он подскочил к Си Чао, схватил его за воротник и прорычал:

— Что? Провалился в этот трехдневный сон и не хочешь просыпаться? Ты сам прекрасно знаешь, что со мной сделал! Я что, по-твоему, пара тебе? Чертов гей!

Глаза Си Чао наполнились болью. Хотя он готовился к этому моменту, услышать такие слова оказалось невыносимо больно, словно иглами в сердце. Он вздохнул и попытался разжать

пальцы Бо Яня. Тот хотел вырваться, но обнаружил, что не может сдвинуть мужчину с места.

Си Чао крепко перехватил его руки, погладил по волосам и мягко, с бесконечным терпением сказал:

— Ты — мой омега. Мы созданы друг для друга.

— Пошел к черту со своим омегой! — Бо Янь с силой толкнул его. Си Чао не ожидал такого напора и пошатнулся.

Бо Янь указал на него пальцем и закричал:

— Мне плевать, что ты со мной сделал! Где противоядие? Мне нужно лекарство, отвези меня в больницу!

— Я ничего тебе не делал, и я сам не понимаю, почему у тебя вдруг произошло вторичное развитие, — Си Чао сделал шаг вперед, но Бо Янь поспешно отступил.

Си Чао остановился:

— Омега — это твой пол. Это как быть мужчиной или женщиной на Земле. Это не болезнь, лечение не требуется.

Бо Янь дрожал от гнева:

— Значит, я всю жизнь буду зависеть от тебя?

— Омеги проходят через течку каждый месяц, это природа, этого не изменить. Здесь нет подавителей, только мои феромоны могут успокоить тебя! Не сопротивляйся мне, Янь-янь, хорошо?

Си Чао медленно подошел ближе, собираясь обнять дрожащего от ярости Бо Яня, но вдруг перед глазами потемнело — Бо Янь ударил его кулаком в лицо.

— Да пошел ты к черту со своим омегой! Убирайся!

<http://bllate.org/book/22117/2302616>